

Владимир ПЕТРОВ, ветеран труда и Магнитки

ВСЯ МОЯ ЖИЗНЬ

(Продолжение. Начало в № 89-90.)

Эвакуация

Я заколотил кое-какими досками окна своего дома. Собрали необходимые пожитки, кое-что спрятали, закопав в землю, и на подводах вместе с другими сельчанами двинулись в направлении Москвы, неизвестно куда. Доехали до небольшого городка Торопец, что в Калининской области. Здесь остановились, нам объявили, что вся молодежь (юноши и девушки) 1923-1928 годов рождения мобилизуется в трудовые резервы, куда был зачислен и я. Нас посадили в товарные вагоны и через две недели, в середине июля 1942 года, в 14 лет от роду, я оказался вдали от семьи и родных мест на Южном Урале — в Магнитогорске.

Мои университеты на юге опорного края державы

Вдали от железнодорожного вокзала мы увидели горы и у подножия много высоких труб, из которых тянулся к небу совсем не деревенский бурый дым. «Почему он такой, что там горит?» — задавал я себе вопрос...

Ребят постарше и покрепче определили на учебу в ремесленные училища № 1 и № 13. Я же оказался на кирпичном заводе на подсобной работе. Поселили меня в землянке на правом берегу Урала. Землянок там было много. Жили в них странные для меня широколицые люди — казахи, узбеки, киргизы. Назывался этот поселок из землянок Шанхаем. Был этот Шанхай недалеко от моста (ныне Центральный переход), на месте, где сейчас магазин «Юный техник». С правого берега до завода нас возили на маленькой старенькой грузовой машине. С работы ходил пешком мимо прямоугольных и круглых строений разной высоты. В отдельных из них был слышен грохот, треск. Из разбитых окон валило много пыли. С удивлением смотрел на длинный ряд каких-то высоких черных печей. Из них наверх выбрасывался с сильными хлопками столбом огонь с рыжим дымом. По сторонам и наверху, громыхая, передвигались какие-то чудо-машины. Всюду было пламя, столбы рыжего дыма и пыли. У чудо-машин работали в широкополых войлочных шляпах с длинными лопатами черномазые люди. Одна чудо-машина вытаскивала из печи на противоположную сторону красные куски с огнем и дымом. Куски эти падали в необычный вагон, который сразу двигался под широкую приземистую трубу. Из этой трубы начинал валить огромными клубами пар, из которого падали большие капли воды на головы проходящих людей. Потом этот вагон ехал в обратную сторону уже с черно-серыми кусками и высыпал их в какую-то яму. Дышать было тяжело, слезились глаза. Я с изумлением смотрел на все это. Недалеко медленно передвигались огромные краны. Они какими-то ковшами складывали в большие кучи уголь. Я спросил у своего попутчика: что это кругом такое? И что здесь происходит?

— Это коксохим, — ответил он. — Здесь из угля делают кокс, который идет на домну для получения железа.

Откуда было знать мне об этом, приехавшему из далекой деревни мальчишке? И мог ли я думать, что моя судьба на многие годы будет связана с этими печами, чудо-машинами, кранами, пылью и рыжим дымом. Но об этом разговор впереди...

Вскоре меня направили на уборочные работы в Харьковский совхоз Агаповского района. Там я помогал трактористам посылкой работ. Но тоже недолго. В начале сентября меня направили на учебу в ремесленное училище № 16. Размещалось это училище в помещениях барачного типа между клубом строителей и рестораном «Атач». Там я был определен в группу слесарей. Первые месяцы мы обучались слесарному делу под руководством опытного мастера Волковинского в мастерской при училище. Потом нас направили на практику в цехи металлургического комбината. Вся группа, кроме трех самых маленьких, была направлена в коксохимический цех. Этим троим, в числе которых был и я, определили в специальный цех № 7, который находился по соседству с ЦЭС на южной стороне. В нем изготавливали снаряды для «катюш». Начальником цеха был Казанцев. Цех усиленно охранялся. Вход был по специальным пропускам. Работали на станках в основном женщины и подростки. Приемка готовых изделий производилась очень жестко уполномоченным от армии. Я практиковался в инструментальном отделе на обработке штампов и шаблонов.

Кормили в училище неважно. Выдали спецодежду, а на зиму фуфайку и шапку. Обувь была из парусины на толстой деревянной подошве. При ходьбе раздавался стук, как у подкованных лошадей, особенно когда ходили строем в столовую или кино.

Судьба матери, трех младших братьев и сестренки очень беспокоили меня. Что с ними? Где они? На всякий случай написал письмо в деревню. Примерно через месяц получил ответ, где сообщалось, что из Торопца всех вернули по домам, что все живы и здоровы. Была радость, но больше слез. Меня сильно потянуло домой. Некоторые ребята самовольно оставили училища и уехали. Я не решился. В душе было какое-то чувство долга. Оно побороло.

Подшло время выпуска из училища, в котором я был полтора года. Мне был присвоен 4-й разряд слесаря. Группу выпускали в коксохимический цех. Попросился и я туда, так как не хотелось разлучаться со своими сверстниками и товарищами. Было это в апреле 1944 года. Мне исполнилось 16 лет...

На коксохиме я оказался в ремонтном кусте, в бригаде человека доброй души и отличного специалиста слесарного дела Ефима Лазаревича Боровкова. Был он из спецпереселенцев. В бригаде работали молодые, но уже опытные слесари Володя Буренков, Степан Колесников. А мастер был тоже из спецпереселенцев, можно сказать, профессор слесарного дела — Александр Иванович Мельников. Эти люди сыграли большую роль в моем становлении, как человека, в овладении сложной профессией слесаря. К сожалению, этих людей уже нет с нами, но память о них я сохраняю до конца своих дней...

Жили мы тогда в бараке на Дзержинском поселке по 8 человек в комнате с двухъярусными койками. В цехе приходилось ремонтировать различное оборудование, в том числе и валковые грохота на коксосортировках. Ох уж эти грохота!!! Их называли еще гризлями. Подъемных механизмов к ним не было. Не было и автотранспорта для подвозки деталей. Валы, диски и другое переносили и поднимали вручную, на плечах. Грохота и конвейеры не укрывались, от них было столько пыли в помещениях коксосортировки, что на расстоянии 5 метров не было видно лампочек освещения. К концу рабочей смены мы были такими «неграми», что не узнавали друг друга. А к тому же мне не нашлось свободного места в душевой. Около двух недель я черномазым ездил на Дзержинку между трамвайными вагонами, зацепившись за окно, на подножках (тогда многие так добирались с работы). Но все уладилось, место в душевой нашлось. Работали мы по 8 часов. Нам, подросткам, перепали выходные дни. Взрослые же работали по 10-12 часов практически без выходных. Заработки были маленькие, не хватало денег даже на питание, а надо было и одеваться, и обуваться. Питались мы в цеховой столовой по карточкам, где основными блюдами были постные щи, каша с камбалой и чай с сахарином. Сахарин — это белый порошок, заменявший сахар. На кружку чая выдавали половину чайной ложки сахарина. Сладости от него было мало, а вот химии достаточно. Вырабатывался сахарин в отделении ректификации бензола на коксохиме неведомым нам способом.

Плохо было с посудой. В столовой были только металлические тарелки, изготовленные на комбинате, в которых подавался и чай. (Окончание следует).

Фронтное извещение о гибели в бою. Скольким обжигало оно руки, неизлечимо ранило сердца! Были в военные годы и такие горькие сообщения: пропал без вести. Куда пропал? Как?.. Но не могут и сегодня люди, лишившиеся родных и близких, согласиться с тем, что они «пропали» без следа. Поньше продолжают искать их, долго и упорно. А поиск вести все труднее и труднее.

Только из Магнитки ушло в годы войны на фронт более 32 тысяч человек, погибло почти 13 тысяч. Кто поименно и где? Разве не хочется до мельчайших подробностей нам знать это? «Комитетом Памяти павших» во главе с ветераном войны А. П. Коликовым установлены и увековечены более 12 тысяч имен павших магнитогорцев для городской «Книги Памяти». 32 Героя Советского Союза воспитала Магнитка. Память о многих погибших на войне магнитогорцах увековечена в названиях улиц и школ, памятниках и мемориальных досках. А остальные?.. Труден и долг путь, которым идут нынешние хранители памяти — поисковики. Все меньше становится свидетелей и участников прошлого, да и архивы хранят не все. Судьба многих магнитогорцев остается пока неизвестной. Большинство из них погибли героями. Вот артиллерист Иван КЕЛЕСЕВ, гв. сержант артполка 2-й гвардейской кавалерийской дивизии. Призван из Магнитогорска в РККА в 1941 году. Воевал с первых часов войны. Отступал с боями до самой Москвы, потом наступал до Западной Украины, где в 1944-м героически погиб в бою. В этом же бою погиб его друг — ефрейтор ЧУРИКОВ. Оставшись вдвоем из расчета, они вели огонь из орудия, пока не погибли.

В неоплатном долгу перед павшими

На статью о «Книге Памяти», опубликованную в заводской газете, откликнулась дочь погибшего И. П. АКИМОВА и рассказала о своем отце, погибшем в октябре 1942 года под Ельней. Похоронен в деревне Солозки. До этого Акимов воевал на Хасане, вернулся командиром и с орденом. До службы отец работал в шмотно-ди-насовом производстве ММК мастером. Как вспоминает дочь Акимова Тамара Ивановна Улегина, в 1945 году, после Победы, к ним пришел человек, который горел в танке вместе с ее отцом. Фамилию и имя его не помнит, помнит только, что он из Златоуста, у него сильно обгорела нога и ее пришлось ампутировать. Он предпоследним выскочил из танка, а отец — командир — должен был покинуть машину последним. Он сильно обгорел, особенно левый бок. Когда его вытаскивали, то сквозь обгорелые ребра было видно как пульсирует сердце. Лишь ордена не сгорели, лежали прямо на обгорелой груди. Вскоре его тут же похоронили.

Не менее трагична судьба Дмитрия Дмитриевича САДОВСКОГО, бывшего начальника стана «2500». В первые дни войны ушел добровольцем на фронт и погиб под Москвой. Сильный бой разгорелся 20 декабря 1941 года за деревню Власово. Вражеские ДОТ и танк у развилок дороги не давали подняться в атаку нашим бойцам. Тогда Садовский вдвоем с товарищем, вооружившись гранатами, уничтожили сначала танк, а потом ДОТ, но сами погибли...

Героически сражались посланцы Магнитки в рядах 63-й гвардейской добровольческой танковой бригады. В списках ее погибших воинов немало наших земляков. Танкист А. П. Марченко, инженер-путеец из Магнитогорска, был во главе «уральских богатырей», штурмовавших Львов. Его танк «Гвардия» с красным знаменем на башне первым ворвался в город. Схватив знамя, Марченко бросился к зданию ратуши и водрузил его над ней. При выходе из здания старшина А. П. Марченко был смертельно ранен. Санитар К. Рождественский хотел сделать ему перевязку, но тоже погиб. Под залпы пулеметов и автоматов однополчане похоронили боевых товарищей недалеко от штаба бригады на улице Кохановского. В честь подвига Александра Марченко одна из площадей названа его именем.

В одиночных и братских могилах, разбросанных по всей территории бывшего СССР, похоронены наши земляки. В 1971 году в селе Старо-Сельцево Могилевской области поставлен памятник магнитогорцу Аркадию Евгеньевичу АТЕЕВУ, погибшему здесь 17 сентября 1943 года при освобождении белорусской земли. Благодаря исследованиям ленинградского писателя Ильи Миксона о подвиге танка «КВ» при штурме Великолужской крепости в январе 1943 года спустя несколько десятилетий мы узнали, что командиром танка был магнитогорец — гв. мл. лейтенант Павел Иванович ШЕМЕТОВ.

В архиве МО есть «История 13 гвардейского тяжелого танкового полка», где рассказано об этом подвиге. В городе Великие Луки на воинском кладбище на белокаменной плите высечены полные имена, звания и должности танкистов — героев экипажа танка «КВ». Одна из улиц древнего русского города носит название «Улица пяти танкистов» — знак глубокой признательности их ратному подвигу.

Молодежь Магнитки рвалась на фронт. Юноши и девушки уходили добровольцами. В грозный для Родины час они стали ее солдатами. Вот один из ярких примеров — заявление от 22 июня 1941 года:

**В Кировский РК ВКП(б)
от члена ВКП(б)
Беляева П. Н.**

ЗАЯВЛЕНИЕ

В ответ на наглое нападение фашистских бандитов на нашу любимую Родину. Прошу Р. К. партии зачислить меня добровольцем в ряды нашей доблестной РККА. Я хочу быть на передовых линиях фронта в числе лучших сынов нашей социалистической родины.

Завещаю районный комитет партии, что если мне будет оказана великая честь защиты нашей родины, я оправдаю с достоинством и честью. Отдам все силы, а если понадобится, и жизнь для полной победы над врагами.

Я это доверие оправдаю, как это положено большевику, носящему великое звание члена партии Ленина-Сталина.

**22.06.41 г. член ВКП(б).
Подпись...»**

Карандашом дописано: Пионерская 5, подъезд 3, эт. 4-й, кв 24, к 2.

В областной Книге Памяти (том 12, стр 143) значится: Беляев Павел Иванович, 1910 г. рож., старший лейтенант, зам. по политчасти 1180 ИТБ, умер от ран 20 июля 1943 года в госпитале № 4289 в Орловской области. В «Комитете Памяти павших» есть сведения об истребительной танковой бригаде, в которой воевал Беляев...

Или вот заявление от братьев Афанасия и Павла Бычковых:

«Настоящим просим зачислить нас на добровольную службу в ряды Красной Армии. Военное звание наше младший комсостав. Услышав речь зам. народного комиссара СНК и народного комиссара иностранных дел т. Молотова о нападении фашистских бандитов на нашу мирную священную границу Украины, мы, братья Бычковы, желаем добровольно выполнить свой долг Советского гражданина и выполнить все задачи, поставленные партией и ее учителем, вдохновителем счастливой жизни Иосиф Виссарионовичем Сталиным.

Мы будем бить врага только на его территории с обеих сторон, оба брата.

Мы просим комиссию зачислить нас вместе в одну часть...»

Как служили, где воевали братья? Живы ли они? О судьбе их ничего неизвестно.

П. СПИРИН.

**Комитет памяти павших.
(Продолжение следует.)**

